

Ольга Лесовикова

Память улиц

Улицы – как лица. Одни запоминаются и греют душу всю жизнь, другие забываются сразу, не оставляя никаких следов...

Что делает одну улицу родной, а другую чужой?

Прописка?

Архитектура?

Люди?

В каждом городе существуют общие улицы, объединяющие горожан центральной линией судьбы, там находится сердце, там назначают свидания... Осмелюсь предположить, что в Одессе такой улицей является Дерибасовская.

Я расскажу не об общей, а о личной улице, вернее, о переулке, расположенном близко к сердцу города. Эта тихая маленькая улочка берет свое начало от улицы Гоголя и бежит до изгиба Преображенской (Советской Армии) в Софиевскую (Короленко).

По Софиевской вниз струятся трамваи к Пересыпскому мосту мимо дворца Софьюшки, ставшего музеем. По улице Гоголя ходят живые и «мертвые» души. На фасаде одного из домов атланты старательно держат небо, а внутри домов частенько падает штукатурка, и ветхое строение дышит глиной и камышом... Высокие потолки, огромные окна и им под стать подоконники, на которых можно уютно сидеть, их широта и долгота определяется ракушечником, меридианы и параллели стен омыты волнами времени. Заглянем во двор дома № 6 в переулке Некрасова, поднимемся на третий этаж и рассмотрим вдоль двери звонки, под каждым фамилия, вот и наш...

Мама читает вслух и жмет на кнопку, слышатся шаги, кто-то идет к двери по длинному коридору.

Дверь открывается, и на пороге стоит дядя Сева. Он улыбается, в его серо-голубых глазах плещется море грусти, но иногда проскальзывают огоньки радости.

Он обнимает мою маму, а потом приподнимает меня на руки и говорит: «Ого, ты выросла!». И мы идем по извилистому коридору за дядей Севой в его комнату, она длинная, как трамвай, так говорит мама. Я рассматриваю все внимательно, задираю голову вверх, потолки высоченные, там лепнина, опускаю взгляд по стене вниз, на полу паркет, в конце комнаты дверь на балкон, с балкона можно смотреть на прохожих, они идут по своим делам, не замечая меня. Лето. Девушки в ярких платьях. Слышу запах моря и крики чаек, шум проезжающего трамвая и голоса идущих по переулку людей.

Возвращаюсь в комнату, там мама разговаривает с дядей Севой вполголоса. Увидев меня, они улыбаются и сообщают:

– Сейчас быстренько поедим и пойдем гулять.

Мне известно, о чем они шепчутся, мама волнуется за Севу, он после развода сам не свой, так она говорит.

Продолжаю рассматривать комнату. Сразу у двери огромный сундук, на котором лежит матрас и покрывало, рядом с сундуком стол и пара стульев, комнату перегораживает шкаф, а за шкафом диван-кровать, вдоль стены стеллажи, на которых книги и посуда.

Я хочу к морю... И прокладываю мысленно маршрут. До порта два шага, нужно пройти по улице Гоголя или по бульвару до Тещинового моста, потом мимо колоннады до Дюка и вниз по Потемкинской лестнице, спуститься в переход и вновь вверх, а там сесть на катер и доплыть до Аркадии... Добравшись до пляжа, я вздохнула:

– Мам, а когда на море?

– Подожди, дай отдышаться с дороги.

И мама дышит, распаковывая сумку, нарезаая колбасу, помидоры, огурцы...

– Яблоко будешь?

Я не хочу есть, я хочу на море.

У дяди Севы есть своя отдельная кухонька, на которой помещается только один человек, но все же отдельная, а вот туалет и ванная комната общие. Через стенку у соседей все свое, только коридор общий, а у большинства только комнатка своя, и мама считает, что Севе крупно повезло: кухня самостоятельная, хоть и крошечная.

– Сейчас картошечку сварю, с укропчиком и чесночком, как бабушка делает.

Сева одобрительно кивает.

– Да, бульба – это хорошо.

И они начинают шутить о белорусской крови, которая течет в Севиных жилах, и говорить о том, что он жить не может без картошки и готов кушать ее на первое, на второе и на третье. Потом вспоминают о Севином отце, погибшем во время войны, потом об абрикосах, эвакуации... Слушаю в очередной раз эту историю и представляю маленькую маму на руках у бабушки Лены, Севу, стоящего рядом с бабушкой Нюсей, поезд, телегу с вещами и дедушку Колю, которому всего пятнадцать лет. Летят самолеты, разрываются снаряды, крики, поезд стучит колесами, тесно, душно...

Мне становится грустно, сажусь на сундук и начинаю разглядывать рисунки на клеенке, я не хочу ни картошки, ни тюльки, ни «синеньких», я хочу к морю.

Мама возвращается из кухни с кастрюлей, от которой идет чесночный дух, комнату заполняет запах молодой картошки, и я соглашаюсь покушать.

Оживляюсь, когда слышу:

– Может, на Лузановку? А потом в гости к друзьям заедем, они на поселке Котовского живут, там недалеко.

Дядя Сева не хочет на Лузановку и предлагает другой вариант:

– Лучше пешочком через парк на Ланжерон. И по городу пройдемся, и на море попадем.

– Можно, – соглашается мама.

– А может, на катере?

– Давай в другой раз.

– Пешком так пешком, – соглашаюсь я: главное – на море.

Но мама и Сева не торопятся, продолжаются разговоры, разговоры, разговоры...

Мне становится скучно, и я начинаю болтать ногами, они барабанят по сундуку, дядя Сева говорит:

– А на этом сундуке твоя сестра спала, когда жила у меня, а сегодня я на нем спать буду, так что не ломай, пожалуйста, он нам еще пригодится.

– А за этим столом уроки делала, пока в общежитие не переехала?

– Да, она хозяйюшка: и учиться успевала, и готовить, и убирать.

Мама тоже начинает убирать со стола, идет мыть посуду, потом снова разговоры, разговоры, разговоры...

На море в тот день мы попали к вечеру, поехали двумя трамваями, сначала на третьем, а потом пересели на четвертый. Трамвай № 4 шел по улице Чичерина (Успенской). Там и тогда, сидя в трамвае, разглядывая дома, я не догадывалась, что совсем скоро буду жить в одном из них, в небольшой коммуналке с тремя звонками...

– Выйди из воды, губы вон уже синие.

– Сядь на подстилку, закутайся полотенцем, вон дрожишь вся, съешь персик.

– Не ныряй, чтоб я твою голову видела, слышишь?

– Сколько можно купаться, посиди на берегу.

Мне больше хочется сидеть в воде, вечером там теплее. Но и на берегу есть чем заняться! Насобирав стеклышек, камушков и ракушек, возвращаюсь в переулок Некрасова с дарами.

Вечерний город прекрасен своим сиянием. В темноте трамвай выглядит по-другому, похож на сказочного светлячка. Смотрю на влюбленную парочку: столько лет прошло, а я помню их, ту нежность, которая витала над ними...

Входим в дом, в нос ударяет разношерстный запах многолюдной коммуналки, голова кружится и хочется спать.

Дядя Сева ложится на сундуке, а нам расстилает постель на диване за шкафом. Я почти сразу засыпаю и сквозь сон слышу разговоры, разговоры, разговоры...

На рассвете меня разбудил звон трамвайных колокольчиков. Хочется выйти на балкон и посмотреть на мчащиеся трамваи.

Выбираюсь из-под одеяла, иду на цыпочках по паркету. Он безбожно скрипит, и в утренней тишине этот звук кажется оглушительно громким, но мама и дядя Сева спят, ничего не слыша.

Открываю дверь, вдыхаю морской воздух, выхожу на балкон и вижу виноградные гроздья. Гронки смотрят на меня десятками бубочек, листья трепещут бабочками, смешные усики цепляются за завитки балконной решетки. Мне холодно, но я стою и смотрю на улицу, ожидая, когда вновь проедет трамвай. А вот и он брызжет искрами, позвякивает и исчезает за поворотом...

Пройдут десятки лет. Дядя Сева, отмучившись, уйдет в другой мир, коммуна перейдет в наследство его дочери Ляле, комнатную выменяют с доплатой на отдельное жилье...

Больше в переулке Некрасова не живет родной человек, но улица продолжает хранить его имя, его шаги, цвет его глаз и улыбку...

Когда иду по этому переулку, всегда замедляю шаг у парадной № 6. Поднимаю голову вверх и смотрю туда, где когда-то вдоль стены тянулись вены виноградной лозы. И мне кажется, я слышу голос дяди Севы:

– Не знаю, что это за виноград, «лидия» или «изабелла»...

И я не знаю. Думаю – надо погуглить, и слышу, как гули-гулят голубки, прогуливаясь у парадной... Потом взлетают и перелетают на противоположную сторону переулка Некрасова. И мне припоминаются рассказы родителей мужа, как они жили в доме № 7, где было семь соседей и комнатка была семь метров. Но это уже совсем другая история, и я обязательно ее расскажу...

